

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 3 / 2025, Iss. 3 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.162.1

Устаревшая лексика и неологизмы в народных польских сказках (на примере собрания сочинений О. Кольберга)

¹Юрова А.В.

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются архаизмы, историзмы, а также неологизмы, использованные в польском народном творчестве на примере народной сказки из собрания трудов известного польского этнографа и фольклориста XIX века О. Кольберга.

Цель исследования: продемонстрировать, как с помощью интердиалектных элементов языка создается фольклорная картина мира, близкая не только рассказчику, но и слушателю. Задачи исследования состоят в том, чтобы привести авторскую классификацию историзмов, встречающихся в тексте народной польской сказки, а также анализировать неологизмы, которые до настоящего момента оставались неизученными.

Методология исследования основана на лингвокультурном подходе и включает в себя такие методы, как систематизация, обобщение, лексикографический анализ, критический анализ, сопоставление, систематизация.

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты: историзмы всегда соответствуют противопоставлению героев и жанру сказки, а устаревшая лексика и неологизмы не просто отражают бытовую картину мира, они помогают слушателю понять исторический и социальный контекст, в котором находятся герои произведения.

Ключевые слова: лингвистика, историзмы, архаизмы, неологизмы, польский язык

Для цитирования: Юрова А.В. Устаревшая лексика и неологизмы в народных польских сказках (на примере собрания сочинений О. Кольберга) // Современный ученый. 2025. № 3. С. 34 – 40.

Поступила в редакцию: 11 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 января 2025 г.; Принята к публикации: 5 марта 2025 г.

Obsolete vocabulary and neologisms in Polish folk tales (on the example of the collection of O. Kolberg's works)

¹Юрова А.В.

¹St. Petersburg State University

Abstract: the article author discusses archaisms, historicisms, as well as neologisms used in Polish folk art on the example of a folk tale from the collected works of the famous Polish ethnographer and folklorist of the XIX century O. Kolberg.

The research goal is to demonstrate how the interdialectal elements of language create a folklore picture of the world that is close not only to the narrator, but also to the listener. The research objectives are to provide the au-

thor's classification of historicisms found in the text of the Polish folk tale, as well as to analyze neologisms that have remained unstudied until now.

The research methodology is based on the linguocultural approach and includes such methods as systematization, generalization, lexicographic analysis, critical analysis, comparison, and systematization.

In the course of the study, the following results were obtained: historicisms always correspond to the opposition of heroes and the genre of a fairy tale, and outdated vocabulary and neologisms do not just reflect the everyday picture of the world, they help the listener to understand the historical and social context in which the heroes of the work are located.

Keywords: linguistics, historicisms, archaisms, neologisms, the Polish language

For citation: Yurova A.V. Obsolete vocabulary and neologisms in Polish folk tales (on the example of the collection of O. Kolberg's works). Modern Scientist. 2025. 3. P. 34 – 40.

The article was submitted: November 11, 2024; Approved after reviewing: January 10, 2025; Accepted for publication: March 5, 2025.

Введение

Актуальность темы обусловлена отсутствием подобных работ на русском и польском языке, а также в отсутствии вообще научных работ в сфере лингвистики на материалах О. Кольберга. Исследуемый нами сборник «Народ, его обычай, уклад жизни, речь, предания, поговорки, традиции, обряды, игры, песни, музыка и танцы» [8] публиковался с XIX века, когда сам этнограф начал проводить свою работу, как следствие в языке населения уже на тот момент присутствовала устаревшая лексика, а для сегодняшнего читателя разрыв между реалиями веков еще больше. В этот период не только были другие наименования профессий,

явлений, но и даже денежных единиц, мер и весов, что совершенно точно может поставить в тупик переводчика, а при неправильном переводе и читателя.

На лексическом уровне каждого языка (или даже диалекта) удается выделить минимум две основные хронологические группы лексики: 1) историческая лексика (архаизмы и историзмы), где находятся выражения, использующиеся на раннем этапе развития языка; 2) новая лексика (неологизмы), которая появляется на основе имеющегося языка (диалекта) в виду разнородных процессов обогащения лексики путем словообразования.

Рис. 1. Состав исследуемой лексики по трудам О. Кольберга.
Fig. 1. The composition of the studied vocabulary according to the works of O. Kohlberg.

Многие элементы лексики второй группы со временем могут исчерпать свою применимость и даже полностью выйти из употребления, перейдя в разряд архаизмов. И поэтому с нормативной точки зрения архаизм понимается двояко. Эти две группы будут подробно рассмотрены в данной статье.

В собрании О. Кольберга часто встречаются выражения, относящиеся к соответствующему временному периоду развития общества и языка, а иногда – и к более ранним, среди них название профессий, а также устаревшие формы слов.

Материалы и методы исследований

Материалом для проведения исследования послужило собрание польского этнографа, фольклориста и музыканта О. Кольберга «Народ, его обычай, уклад жизни, речь, предания, поговорки, традиции, обряды, игры, песни, музыка и танцы» [8].

Теоретико-методологические основы исследования были почерпнуты из работ таких авторов, как Н.Ф. Алефиренко, И.М. Чумак-жуунь [1], Г.В. Порческу [2], Л.Н. Пушкарева [3] и др.

Ряд теоретических положений относительно

неологизмов, архаизмов и синонимии в польском языке был изучен на основе постулатов таких авторов, как Е.А. Цыпанов [4] и С.Г. Шафиков [5] и др.

Методология исследования основана на линг-

вокультурном подходе. В исследовании использовались такие методы, как систематизация, обобщение, лексикографический анализ, текстологический анализ, сопоставление, систематизация.

Таблица 1

Table 1

Research methods according to the purpose and objectives.

Группа методов	Задачи исследования
Общенаучные методы	Научный синтез, анализ, сопоставление, систематизация Исследование научной литературы по теме исследования
Специальные методы	Лексикографический анализ Текстологический анализ

Результаты и обсуждения

Чаще встречаются историзмы, характерные именно для определенного временного и общественного строя, отражающие ту языковую реальность, в которой оказались не только герои произведения, но и сам нарратор. Причем реальность разговорную, то есть лексические единицы описывают именно те бытовые вещи, которые окружают говорящих. Их можно разделить на несколько тематических групп.

1. *Названия профессий.* Интересно, что название профессий неразрывно связано с типом сказки. Если речь идет о сказке волшебной, то чаще всего героем является пастух, а если же мы говорим о бытовой сказке, то героем является *chłop* [8, с. 139] ‘крестьянин’[WSJP], *parobek* [8, с. 145] ‘наемный рабочий, который работает в определенный сезон на земле богатого мужика или помещика’ [10]. Чаще всего в бытовой сказке крестьянин противопоставляется богатому герою, если сказка о наемном рабочем, то ему противопоставляется именно *chłop* ‘мужик’ или *gospodarz* [8, с. 142] ‘крестьянин, владеющей своей землей’ [10]. Также в бытовых сказках в сборнике Кольберга главный герой-крестьянин противопоставляется священнослужителю *klecha* [4, с. 168] ‘приходской помощник, кандидат в священнослужители’ [10]. Если речь идет о волшебной сказке, то в ней можно также увидеть в качестве главного героя мужика или солдата, ему противопоставляется *dziedzic* [8, с. 174] ‘обладатель земельного надела’[WSJP]. Противником главного героя может стать *magnat* [8, с. 128] ‘в истории Польши: дворянин, обладающим большим наследством и происходящий из аристократического рода’ или же *rządca* [8, с. 118] ‘управляющий частным земельным участком в довоенной Польше’ [10]. Иногда волшебным помощником главного героя становится человек определенной профессии, как в сказке «То не знаю

что», где крестьянину помогает *strzelec* [8, с. 174] ‘охотник в хозяйстве или егерь’ [10]. Конечно, у этого слова есть и современные значения, но в тексте сказки к главному герою помощник выходит постоянно из лесу, что указывает на его связь. Если мы говорим о сказках, в которых появляются принцы и принцессы, стоит отметить, что вместе с ними появляется и те лексические единицы, которые исторически характеризуют этот мир. Так, появляется слово *furman* [8, с. 125] ‘кучерь’ [9], *lokaj* [4, с. 118] ‘служащий в богатом доме’[9], *dziewka* [8, с. 138] ‘незамужняя женщина, работающая в доме или на земле помещика’ [9].

1. *Жилые и хозяйственные постройки.* Как можно увидеть, что героями народных сказок часто становятся герои из народа, в волшебных сказках присутствуют такие герои, как пастухи или просто молодые юноши из крестьянских семей, но в данном случае следует обратить внимание, что историзмы описывают именно крестьянскую сторону быта, это подтверждается и другими лексическими единицами, например, теми единицами, которые характеризуют жилые или хозяйственные постройки. Так, встречается слово *sieni* [8, с. 123] ‘помещение, ведущее во внутреннюю часть крестьянского дома’ [9], использующееся для описания места жительства крестьян или же *komora* [8, с. 136] ‘маленькая комната в загородных имениях шляхты, предназначенная для проживания прислуги’ [9]. Также очень частотно употребление слова *chalupa* ‘крестьянский деревянный дом или изба’ [9] или диминутива *chalupka* [8, с. 169]. Если описывается жизнь героя-помещика, который владеет землей, то описывается земля как *dwór* [8, с. 125] ‘участок земли с постройками и людьми’ [9]. В текстах можно встретить описание элементов *одежды*, свойственные крестьянам. Так, появляется слово *sukmana* [8, с. 115] ‘длинная мужская верхняя одежда из ткани или шерсти, расширяю-

щаяся к низу’[9]. А также в сказке «О самодовольной и наказной королеве» несколько раз повторяется слово *kamaszek* [8, с. 152] ‘ботинок на шнурковке с верхом до щиколотки’[9]. Такой тип ботинка в сказке носит именно король, хотя на самом деле сложно короля представить в такой обуви. Снова историзмы подчеркивают реальность, связанную с крестьянским бытом или ту реальность, которую нарраторы пытались выстроить во время своего рассказа.

2. В собрании трудов О. Кольберга можно встретить историзмы, отражающие *повседневную жизнь героев*. В тексте появляются названия посуды: слово *dwojak* [8, с. 158] ‘старинный глиняный сосуд, состоящий из двух частей, соединенных ручкой’[9], в нем крестьяне или пастухи носят воду. Здесь же следует отметить целое устаревшее выражение *chodzić w konkury* [8, с. 161] ‘просить руки девушки’[9] и вариант этого выражения *rojście w komplimenta* [8, с. 161]. Что интересно, второе выражение вообще не встречается в польских словарях, Кольберг его никак не комментирует, хотя сложные случаи он всегда сопровождает своим комментарием в скобках. Здесь мы понимаем, что два выражения являются синонимами только из контекста, так как в двух сказках герои хотят жениться, и уже после выражения желания, нарратор использует эти выражения. Выражение *pójść w termin* [8, с. 136] ‘пойти в подмастерья’ [9] чаще всего имеет отношение к крестьянам или к героям волшебных сказок, где один сын – глупый. Стать подмастерьем – чуть ли не единственная возможность у крестьянских детей обучиться какому-нибудь ремеслу. Местом, в котором сказочные герои проводят свое свободное время, становится *karczma* [8, с. 116] ‘в бывшей деревне: здание, служившее трактиром, постоянным двором’ [9], сюда, например, идет отставной солдат из сказки «Волшебный кошелек и сумка». В этом же трактире герой встречает женщину – *szynarka* [8, с. 223] ‘женщина, которая служит в таверне или жена трактирщика’[9]. К жене трактирщика стоит добавить еще и слово *mlynarka* [8, с. 221] ‘жена мельника’[9]. Важно подчеркнуть, что такие историзмы – не название профессий, а именно демонстрация социального статуса. В текстах Кольберга появляется и транспорт – *bryka* ‘бричка, открытый конный экипаж’ [8, с. 189]. Как можно проследить, мир героев сказок в собрании Кольберга достаточно широк, он не ограничивается только лишь крестьянской работой на поле, в нем появляются и развлечения, и служба, и вопросы женитьбы.

3. В отдельную группу историзмов следует выделить *меры длины, веса и денежные единицы*. Например, у Кольберга встречается слово

pólkwaterek [8, с. 116] ‘сосуд вместимостью половины четверти’ [9]. Сама мера *kwaterek* была введена Станиславом Августом Понятовским и во время разделов Польши все еще использовалась, например, на территории Кракова. Следующий элемент это *mila* [8, с. 116], однако эта миля не соответствует английской. В Польше использовалась польская миля, которая была введена в обиход в XVIII веке и составляла 7146 метров [9]. Еще одна единица измерения встречается в сказке «То не знаю что», где главному герою нужно обработать *mórg* [8, с. 173] ‘единица измерения площади земли’ [9]. Эта мера пришла из Германии и образована от нем. *Morgen* ‘утро’. Она служила для измерения поля для хозяйственных угодий в средневековой Западной Европе и в том числе в Речи Посполитой, эта мера длины равна 0,56 гектара. Переходя к денежным единицам, предлагаем рассмотреть слово *dukat* [8, с. 126] ‘золотая или серебряная монета, использовавшаяся в Европе с позднего Средневековья до начала XX века’[9]. Польские дукаты отличаются от европейских. В Польше его чеканили с XVI по XIX век и в народе называли красным золотым.

Таким образом, можно констатировать, что историзмы как языковые средства охватывают все стороны жизни героев фольклорных произведений, зафиксированных Кольбергом. Они становятся частью языковой картины мира, где отражают быт и окружение. Ту же функцию выполняют и архаизмы. Если сравнивать количество историзмов с количеством архаизмов в текстах польского этнографа, можно заметить, что архаизмов все-таки меньше и их проявление менее систематично. Так, можно встретить архаизмы при описании чувств и эмоций *rozterka* [8, с. 218] ‘распры’ в сказке «Распры между месяцами: февралем, марта и маем». В современном польском языке слово *rozterka* заменили синонимы, такие как: *niezgoda, spór, zwada* [9]. С похожим значением в сказке «Спор мужика с морозом» появляется слово *zakład* [8, с. 219] ‘спор’ [9]. В этой же сказке можно встретить архаичную форму *rzekł* [8, с. 113] ‘говорил’. В современном языке существует много синонимов для этого архаизма – *mówić, powiedzieć* [9]. Из архаизмов следует вспомнить *sznureczek* [8, с. 162] ‘пояс’ в современном языке употребляется *pas* [9]. К архаизмам относится слово *wrotnię* [8, с. 159] ‘ворота’[9], в контексте имеются ввиду ворота, состоящие из двух частей. В современном польском языке используется слово *brama* [9]. В сказках Кольберга встречается слово *łakocie* [8, с. 151] ‘исключительный деликатес, вкусное блюдо’ [9]. У этого слова есть современные значения, например, сладости. Но в контексте мы встречаем

именно устаревшее значение, в сказке «О самодовольной и наказанной королеве» старик просит свою жену (королеву) принести с кухни ему вкусные блюда, чтобы он мог съесть их в избе. В современном польском языке используется слово *przysmak* [8, с. 151]. В сказке «О крестьянине в раю» встречается слово *kumoter* [8, с. 149] ‘тот, кто связан с тобой родством’, главный герой, который отличается особой плодовитостью уже не может найти себе никого в кумы в деревне и выходит за ее пределы. В польском языке соответствовать этому историзму будет слово *kum* [9]. Как уже было описано выше, архаизмы в сказках О. Кольберга встречаются, но из них сложно выстроить какую-то систему, так как они представлены в совершенно разных уровнях лексики.

К анализу устаревшей лексики хотелось бы также добавить и анализ устаревших явлений, описанных в сказках. В сказке «О глупой жене» информант О. Кольберга рассказывает о жене Матея, которая ему изменяла. В один момент ее поймали крестьянские мужики и *głowę osmolili* [8, с. 172] ‘помазали ей голову смолой’. Интересно, что в этом словосочетании скрывается одно из позорящих наказаний, распространенное в средние века в Европе. В том числе в Малороссии и России это наказание использовалось для опорочивших свою честь девушек [3, с. 120-135].

Как уже отмечалось нами в начале данного параграфа, историзмы и архаизмы – не единственная хронологическая группа лексики. Существуют еще и неологизмы. И в текстах О. Кольберга данные лексические единицы тоже встречаются. Конечно, неологизмы скорее редкость для таких текстов, но тем они и интересны.

Несколько раз в данной работе мы упоминали сказку «То, не знаю что», на польском языке ее название звучит как „О *ficzom-klacem*” [8, с. 173]. Эта сказка появляется в томе «Куявы». В «Словаре польских диалектов» Я. Карловича можно найти статью об этом названии. Но никакой характеристики, кроме как – название сказки Кольберга – Карлович не дает. Не дает никакую информацию об этом слове и сам Кольберг, лишь выделяет его курсивом в тексте. Это частая практика Кольберга во время работы с текстом – те слова, которые он не знает и не может объяснить, он выделяет курсивом. Согласно сюжету сказки, главный герой проходит испытания, которые дает ему помещик под угрозой смерти, в этом ему помогает волшебный помощник – егерь или охотник из леса. Последнее задание для главного героя – принести то, что он сам не знает. Проблему для анализа данной лексической единицы составляет и то, что в рамках одной сказки форма слова меняется – встреча-

ется форма *ficzq-kracq* [9, с.14]. Однако это название явно имеет отношение к сюжету АТ 571 В, в котором предметы, люди и животные прилипают к главному герою. Этому типу сказки соответствует немецкая народная сказка «Золотой гусь». Существует немецкий вариант этой сказки, которая называется *Himphamp* [10, с. 40], французский вариант – *Micmac*, бретонский вариант – *Mahi-maha*. Для каждого языка это слово без конкретного значения, которое для героя является примером невыполнимого задания.

Следующим примером неологизма, который встречается в тексте О. Кольберга «О солдате, который служил у дьявола семь лет», является слово *nosak* [8, с. 221] и другая его форма *nosek*. Ни в одном польском словаре не встречается это слово. Единственный источник, это журнал «Языковой учебник» от 1980 года том №8, статья «О структуре языка и лингвистической географии» авторства Витольда Дорошевского. В этой статье лингвист использует это слово, но не комментирует его [7, с. 351]. Стоит отметить, что в трудах О. Кольберга это слово написано через разряженный шрифт курсивом, еще одна подсказка о том, что сам собиратель не знал точного значения слова. Можно предположить, что *nosak* является производным от *nos* ‘нос’. Попробуем найти эту связь в тексте сказки. Главный герой – солдат – вернувшись со службы мечтает о семье. У него нет ни матери, ни сестры, ни жены, солдат призывает дьявола словами: «Если придется, пойду хоть к дьяволу служить!». Дьявол предлагает главному герою контракт, согласно которому солдат в течение семи лет должен верно служить нечистому: не умывался, не брился, ни стриг ногти, не вытирал нос. Вот здесь мы уже встречаем упоминание про *nos*. Далее солдат получает от дьявола платок – волшебный предмет – из которого сыпятся деньги. Солдат попадает в трактир, где снимает комнату, там он за счет дьявола живет и выполняет условия договора. Однажды в трактире приходят рыцари, которые по просьбе царя ищут человека, который может одолжить короне три центнера золота. Солдат соглашается одолжить королю деньги, но взамен одна из принцесс должна выйти замуж за главного героя. Вместе с деньгами солдат передает принцессам свой портрет. Когда портрет показывают принцессам, самая старшая из них восклицает: «Лучше умру, чем пойду за такого *noska*» [8, с. 222]. Третья соглашается выйти замуж за солдата. В итоге как раз когда принцессы должны знакомиться с новым мужем своей сестры, контракт с дьяволом заканчивается, и солдат становится красивым юношем. Сестры, которые хотели посмотреть *jakto nosek wyglądać będąc* «как этот *nosek*

будет выглядеть» [8, с. 223], влезли на балкон, перевалились за него и погибли. Что можно заметить? Возможно, *nosek* – прозвище, возникшее на двух основаниях: либо из-за того, что главный герой не вытирал нос и на портрете это отразилось, либо по той причине, что солдат в течение семи лет не мылся и это тоже повлияло на впечатление. Таким образом, перед нами прием синекдохе, выраженный появлением нового слова.

Еще один неологизм можно встретить в томе «Холмские земли», сказки в этом тоже также были собраны Кольбергом непосредственно во время его этнографических экспедиций. В этом сборнике встречается сказка «Новость из Холмской земли», записанную в Хелмно. Сюжет этой сказки выстраивается вокруг четырех братьев: Павла, Гавла, Петра и загадочного Путерноги, на имя которого редакция рукописи сборника дает комментарий: *Zwykle mówimy kuternoga (chromy); zob. Słownik Lindego, gdzie przy tym różni autorzy są wzmiankowani. Chcielibyśmy więc wiedzieć, skąd wziął się w powieści wyraz puternoga.* – Обычно говорим кутернога (хромой); см. Словарь Линды, где отмечены разные авторы. Поэтому мы хотели бы знать, откуда появился в сказке путернога [8, с. 283]. Возможно, здесь имеется ввиду *puuter* как *półtora* ‘полтора’ [10], это соответствует описанию героя, если он хромой, ведь хромота может быть вызвана отсутствием какой-либо части – буквально полторы ноги. Фонетически, слова звучат схожими.

же если рассматривать какие-либо диалектные особенности, как ассимиляция групп согласных.

Выводы

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: народные польские сказки и их лексический состав до сих пор остается малоизученной темой в самой Польше и неизвестной за ее пределами. Устаревшая лексика, историзмы, создают знакомую для нарратора картину мира, подробно отражающую реальность, среди историзмов можно встретить названия профессий, названия социального положения, названия предметов быта и одежды. Зачастую историзмы соответствуют типу сказки, если сказка бытовая – то мы имеем дело с историзмами, связанными с сельским хозяйством и образом жизни крестьян. Однако если говорить в целом об устаревших словах, то архаизмы среди них намного меньше, они не настолько системны и затрагивают все области жизни человека. Отдельным особняком стоят неологизмы, появившиеся в сборнике Кольберга. Их немного, но они говорят нам о развитии словотворчества рассказчиков, а также о параллелях в соответствии этого словотворчества с другими зарубежными сказками, как в случае со сказкой «То не знаю что». Важно также помнить, что выбор лексики всегда зависел от нарратора, определяющего, что ему рассказывать конкретному слушателю. Именно эта лексика дает нам возможность исследовать язык вместе с культурой.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф., Чумак-жунь И.М. Аксиологические коннотации славянских этнонимов // Русин. 2023. № 7. С. 76 – 89.
2. Порческу Г.В. Средства создания экспрессивности в сказке и способы их перевода // Вестник ВятГУ. 2017. № 12. С. 202 – 214.
3. Пушкирева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века. Этнографическое обозрение / РАН, Институт этнологии и антропологии им. М. Маклая. М.: Наука, 2009. С. 120 – 135.
4. Цыпанов Е.А. Лексические архаизмы в сказке И.А. Куратова «Микул» // Финно-угорский мир. 2023. № 4. С. 98 – 114.
5. Шафиков С.Г. Лингвокультурология, язык и национальный менталитет // Вестник Башкирского университета. 2019. № 3. С. 67 – 89.
6. Bolte-Polivka. Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen der Gebrüder Grimm. Leipzig, 1913. 362 p.
7. Doroszewski W. O strukturze języka i geografii lingwistycznej (Dokończenie). Poradnik językowy. Vol. 8. Warszawa: Nowy Świat, 1960. 202 p.
8. Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1-84. Kraków, 2020. 676 p.
9. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków. Biblioteka Narodowa. 1900. 202 p.
10. Wielki słownik języka polskiego. URL: <https://wsjp.pl/index.php/p-age/historia> (дата обращения: 10.06.2024)

References

1. Alefirenko N.F., Chumak-zhun I.M. Axiological connotations of Slavic ethnonyms. Rusin. 2023. No. 7. P. 76 – 89.
2. Porchesku G.V. Means of creating expressiveness in a fairy tale and methods of their translation. Bulletin of Vyatka State University. 2017. No. 12. P. 202 – 214.
3. Pushkareva N.L. Shameful punishments for women in Russia in the 19th – early 20th centuries. Ethnographic review. RAS, M. Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. Moscow: Nauka, 2009. P. 120 – 135.
4. Tsypanov E.A. Lexical archaisms in the fairy tale of I.A. Kuratova "Mikul". Finno-Ugric world. 2023. No. 4. P. 98 – 114.
5. Shafikov S.G. Linguistics, language and national mentality. Bulletin of the Bashkir University. 2019. No. 3. P. 67 – 89.
6. Bolte-Polivka. Introduction to the Children's and Hausmärchen of the Grimm Family. Leipzig, 1913. 362 p.
7. Doroszewski W. On the structure of language and linguistic geography (Dokończenie). Journal of Languages. Vol. 8. Warsaw: Nowy Świat, 1960. 202 p.
8. Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1-84. Kraków, 2020. 676 p.
9. Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Krakow. Biblioteka Narodowa. 1900. 202 p.
10. Wielki słownik języka polskiego. URL: <https://wsjp.pl/index.php/p–age/historia> (access date: 06/10/2024)

Информация об авторе

Юрова А.В., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, st085309@student.spbu.ru

© Юрова А.В., 2025